

Ты вел меня с собой из страха в упование,
 Из ярости в любовь, и из любви в стенанье;
 Ты к сердцу новые дороги находил.
 И голос, и лице, и стан согласны были,
 Чтоб преклонить сердца, и души возмутить.
 Твой плач все зрители слезами заплатили,
 И плачущи тебя старались хвалить.
 Искусство с естеством в тебе соединены,
 Являли нежное движение сердец.
 Ты был рыдания и радости творец.
 Ах! как тобою мы остались восхищенны!
 Мы в мыслях все тебе готовили венец,
 Ты тщишься всех тронуть, и все тобой плененны.

К. Казловской.

Нетрудно заметить, что различия двух редакций стихотворения (приведенной нами и публикуемой в изданиях Сумарокова) имеют чисто стилистический характер и что вторая несомненно более совершенна.

В литературе о Сумарокове «Стихи Ивану Афанасьевичу Дмитревскому» приводятся обычно как иллюстрация взглядов Сумарокова на задачи драматического искусства и актерского исполнения роли. Используются они также и в специальной литературе о Дмитревском как образец анализа и оценки его творчества. В связи с этим вопрос об авторской принадлежности приведенных стихов имеет существенное значение.

Трудность задачи установления авторства в данном случае усложняется тем, что архив Сумарокова не сохранился, так же как не сохранились и прочие материалы, на основании которых было подготовлено Н. И. Новиковым первое издание «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова, вышедшее через четыре года после смерти поэта.

Можно предположить, что обнаруженный листок является первоначальной публикацией стихотворения и что «К. Казловской» — псевдоним Сумарокова. Но тогда трудно объяснить, зачем понадобилось Сумарокову скрыть свое имя. Гораздо вероятнее, что в архиве Сумарокова сохранился листок со стихами К. Казловского, но без его подписи. Стихи эти могли быть преподнесены автором Сумарокову или даны ему для редакции. Возможно, что другая редакция стихов принадлежит именно Сумарокову.

Кто же такой К. Казловской?

Среди современников Сумарокова не удалось обнаружить автора, который подписывался бы таким образом.

Однако, если принять во внимание, что буква «К» перед фамилией в XVIII веке чаще всего означала «князь», то можно предположить, что действительным автором является князь Федор Алексеевич Козловский.

Впрочем, кажется странным, что Н. И. Новиков, близко знавший Козловского, одновременно с ним учившийся в гимназии при Московском университете, работавший с ним в Комиссии для составления проекта Нового уложения и давший довольно подробную биографическую справку о нем в своем «Опыте исторического словаря о русских писателях» (1772), мог не знать о принадлежности ему этого стихотворения.

Решить же вопрос об авторстве путем сопоставления стихотворения, посвященного Дмитревскому, с прочими стихами Ф. А. Козловского, также трудно, ибо до нас дошло всего лишь два его произведения: идиаллия «Миниса дорогая...» («Вечера», 1773, ч. II, стр. 29) и эклога «Что в красоте есть лучшее» («Московское ежемесячное издание», 1781, ч. II, стр. 226), напечатанные посмертно.